

Глава VI. Третья и последняя война большевиков с махновцами и анархистами. Разгром Повстанческой армии

Так началась третья и последняя война большевиков против махновцев, анархистов и трудящихся масс Украины, которая завершилась — после девяти месяцев неравной и беспощадной борьбы — вооруженным подавлением свободного движения.

В очередной раз взяла верх грубая сила, основанная на лжи и обмане.

Об этом последнем акте драмы мы расскажем подробно.

Разумеется, большевистское правительство не замедлило объяснить, почему нанесло свой вероломный удар.

Оно заявило, что махновцы и анархисты готовили заговор и массовое восстание против власти Советов; обвинило Махно в отказе отправиться на кавказский фронт и мобилизации крестьян для борьбы против советской власти; утверждало, что вместо борьбы с Врангелем в Крыму махновцы нападали на арьергарды Красной Армии и т. д.

Само собой, все эти объяснения были абсолютно лживыми. Но постоянно повторяя их и не давая слова махновцам и анархистам, большевикам удалось заставить поверить в них очень многих, как за границей, так и в СССР.[160]

Ряд фактов позволяет нам установить истину.

1. 23 ноября 1920 года в Пологах и Гуляй-Поле махновцы арестовали девять большевистских шпионов, состоявших на службе в 42-й стрелковой дивизии Красной Армии, которые признались, что были посланы в Гуляй-Поле руководителем службы контрразведки с целью выяснить места жительства Махно, членов его штаба, командиров Повстанческой армии и членов Совета. После этого агенты должны были тайно оставаться в Гуляй-Поле и ждать вступления в село частей Красной Армии, чтобы сообщить им, где искать данных лиц. Если же неожиданное прибытие красноармейцев вынудило бы последних скрыться, шпионам предписывалось выследить их. По их данным, нападения на Гуляй-Поле следовало ожидать 24–25 ноября.

Тогда Совет революционных повстанцев и командование армии отправили Раковскому, в то время председателю Совета народных комиссаров Украины, а также Реввоенсовету в Харьков подробное сообщение об этом заговоре с требованием: 1) немедленно арестовать и отдать под суд военного совета командира 42-й дивизии и других лиц, замешанных в заговоре; 2) запретить красноармейским частям проход через Гуляй-Поле, Пологи, Малую Токмачку и Туркеновку, дабы избежать любых неприятных инцидентов.

От харьковского правительства был получен следующий ответ: «заговор», должно быть, является простым недоразумением; тем не менее, советская власть для выяснения дела создает комиссию и предлагает штабу армии махновцев прислать в эту комиссию двух человек.

Ответ был передан по прямому проводу из Харькова в Гуляй-Поле 25 ноября.

На следующее утро П. Рыбин, секретарь Совета революционных повстанцев, вновь по прямому проводу обсуждал этот вопрос и все спорные моменты с Харьковом. Большевистские власти Харькова заверили его, что дело 42-й дивизии, безусловно, будет улажено к полному удовлетворению махновцев, и добавили, что вопрос о разделе 4 политического соглашения вот-вот решится самым наилучшим образом.

Разговор с Рыбиным состоялся в 9 часов утра 26 ноября. Но *еще за шесть часов до этого* представители махновцев в Харькове, а также все анархисты города и окрестностей были арестованы.

Ровно два часа спустя после разговора с Рыбиным по прямому проводу Гуляй-Поле было со всех сторон обложено красноармейскими соединениями и подверглось ожесточенному обстрелу.

В тот же день и час подверглась атаке махновская армия в Крыму. Здесь большевикам удалось — хитростью — захватить членов ее штаба вместе с командующим, Семеном Каретниковым; все они были казнены.

2. В то время я находился в Харькове вместе с представителями махновской армии и не подозревал о том, что замышлялось вокруг нас. 25 ноября мне было поручено отправиться к Раковскому, чтобы непосредственно из прямых уст получить ответ: что конкретно происходит с разделом 4 политического соглашения.

Раковский принял меня очень сердечно. Он пригласил меня занять место возле его рабочего стола. Сам, удобно расположившись в кресле и небрежно поигрывая красивым ножом для разрезания бумаги, с улыбкой заявил мне, что переговоры между Харьковом и Москвой по поводу раздела 4 вот-вот завершатся, следует, судя по всему, со дня на день ожидать положительного решения.

А в тот момент, когда он таким образом разговаривал со мной, в ящике стола, за которым мы сидели, уже лежал приказ возбудить «дело» против анархистов и махновцев.

В тот же вечер я выступал с докладом об анархизме в Харьковском сельскохозяйственном институте. Зал был переполнен, и собрание закончилось очень поздно, около часу ночи. Вернувшись к себе, я еще продолжил работу над статьей для нашей газеты и лег спать около половины третьего. Почти тотчас меня разбудил шум, смысл которого был совершенно ясен: выстрелы, звон оружия, шаги на лестнице, удары кулаком в дверь, крики и оскорбления. Я понял. У меня было только время одеться. В мою комнату громко стучали: «Открой или мы вышибем дверь!» Как только я отворил задвижку, меня грубо схватили, увели и бросили в подвал, где находилось уже несколько десятков человек. Таково было «положительное решение» по разделу 4.

3. На другой день после нападения на Гуляй-Поле, 27 ноября, махновцы обнаружили у пленных красноармейцев прокламации «Вперед, на Махно!» и «Смерть Махновщине!», опубликованные политотделом 4-й армии, без даты. Пленные сказали, что получили эти прокламации 15 или 16 ноября. В них содержался призыв бороться против Махно, обвиняемого в нарушении политического и военного соглашения, отказе отправиться на кавказский фронт, подготовке мятежа против Советской власти и т. д.

Это доказывает, что все обвинения были сфабрикованы и отпечатаны заранее, когда Повстанческая армия еще воевала в Крыму и занимала Симферополь, а представители махновцев спокойно работали в Харькове и других местах в согласии с советской властью.

4. В октябре и ноябре 1920 года, то есть в то время, когда обсуждалось и заключалось политическое и военное соглашение между большевиками и махновцами, последние выявили две попытки большевиков подослать к Махно наемных убийц.

Совершенно очевидно, что такая серьезная операция тщательно готовилась заранее, и разработка ее требовала по меньшей мере двух недель.

В этом деле — которое большевики считали решающим — речь шла не просто о предательском нападении на махновцев, но о детально и тщательно проработанном плане. Были даже предусмотрены средства усыпить бдительность махновцев, ввести их в заблуждение обманными гарантиями безопасности, лживыми обещаниями и т. д. Не подлежит сомнению, что все это требовало длительной подготовки.

Такова правда о разрыве соглашения между махновцами и Советской властью.

Эта правда, впрочем, находит подтверждение и в некоторых советских документах.

Приведем приказ Фрунзе, в то время командующего Южным фронтом. Одного этого документа достаточно, чтобы разоблачить предательство большевиков и опровергнуть всю их ложь и уловки:

«Приказ командарму Повстанческой т. Махно.

Копия командармам Южного фронта.

№ 00149. Полевой штаб, г. Мелитополь. 23 ноября 1920 г.

В связи с окончанием боевых действий против Врангеля, ввиду его уничтожения, революционный военный совет Южфронта считает задачу партизанской армии законченной и предлагает реввоенсовету повстанческой армии немедленно приступить к работе по превращению партизанских повстанческих частей в нормальные воинские соединения красной армии.

Существование повстанческой армии с особой организацией более не вызывается боевой обстановкой. Наоборот, существование наряду в частями красной армии отрядов с особой организацией и задачами приводит к совершенно недопустимым явлениям...[161] И поэтому реввоенсовет южного фронта предлагает реввоенсовету повстанческой армии:

- 1) Все части бывшей повстанческой армии, находящиеся в Крыму, немедленно ввести в состав четвертой армии, реввоенсовету которой поручается их переформирование.
- 2) Упроформ в Гуляй-Поле расформировать и бойцов влить в запасные части по указанию командарма запасной.
- 3) Реввоенсовету повстанческой армии принять все меры к разъяснению бойцам необходимости проводимой меры.

Подписали: Командующий Южфронтом *М. Фрунзе*, член реввоенсовета *Смилга*, нач. полев. Штаба армии *Каратыгин*. [162]»

Пусть читатель вспомнит историю соглашения между советским правительством и махновцами.

Подписанию соглашения предшествовали переговоры между полномочными представителями махновцев и большевистской делегацией во главе с коммунистом Ивановым, прибывшей специально с этой целью в лагерь повстанцев в Старобельск. Переговоры продолжились в Харькове, где представители махновцев в течение трех недель работали вместе с большевиками, чтобы сделать соглашение приемлемым для обеих сторон. Каждый раздел тщательно рассматривался и обсуждался.

Окончательную редакцию соглашения одобрили обе стороны, то есть *Советское правительство и район революционных повстанцев* в лице Совета революционных повстанцев Украины. Оно было скреплено подписями той и другой стороны.

В соответствии с духом соглашения, ни один из его разделов не мог быть аннулирован или изменен без согласия обеих сторон.

Однако приказ Фрунзе нарушал не только первый раздел военного соглашения, но и само соглашение в целом.

Приказ Фрунзе доказывает, что большевики никогда не принимали соглашение всерьез; что, разрабатывая его, они играли гнусную комедию; что соглашение было всего лишь надувательством, маневром, ловушкой, чтобы бросить махновцев против Врангеля, а затем уничтожить их.

Главное, что при всей своей грубоватой «честности» — или наивности — приказ Фрунзе служил тем же целям. Действительно:

1. Одновременно с приказом № 00149 4-я крымская армия получила приказ выступить против махновцев всеми имеющимися в распоряжении вооруженными силами в случае отказа повстанцев повиноваться;

2. Ни штабу Повстанческой армии, остававшемуся в Гуляй-Поле, ни махновской делегации в Харькове об этом приказе сообщено не было. Махновцы узнали о нем лишь через три или четыре недели после нападения большевиков из газет, случайно попавших им в руки. Этот странный факт легко объясним. Большевики, тайно готовившие неожиданное нападение на повстанцев, не хотели заранее встревожить их, посылая такой документ: тогда их план полностью бы провалился. Подобный приказ предостерег бы всех махновцев, и нападение большевиков неизбежно было бы отражено. Советская власть понимала это. Вот почему она до последнего момента сохраняла тайну.

3. Но, с другой стороны, ей необходимо было любым путем оправдать агрессию. Вот почему приказ Фрунзе был опубликован в газетах лишь после нападения и разрыва. Впервые его напечатала 15 декабря 1920 года харьковская газета «Коммунист». Номер был помечен задним числом.

Целью подобных махинаций было застигнуть махновцев врасплох, уничтожить их и затем объявить эту акцию, имея на руках соответствующие бумаги, совершенно «законной».

Как мы уже говорили, нападение на махновцев сопровождалось массовыми арестами анархистов по всей Украине. Это было сделано с целью не только окончательно подавить всякую свободную мысль и деятельность анархистов, но и удушить малейшие проявления протеста, уничтожить в зародыше всякую попытку объяснить народу подлинный смысл событий.

Не только сами анархисты, но и их родные и знакомые, даже те, кто интересовался их литературой, арестовывались.

В Елисаветграде в тюрьму были брошены пятнадцать ребят в возрасте от 15 до 18 лет. Правда, впоследствии вышестоящие власти Николаева (губернского центра) выразили свое недовольство, заявив, что им нужны «настоящие анархисты», а не дети. Но никто из

подростков не был немедленно освобожден.

В Харькове преследования анархистов приняли невиданные размеры. На них анархистов проводились облавы. Одна такая ловушка была устроена в книжной лавке «Свободное Братство»; всякого, кто приходил купить книгу, хватали и отправляли в ЧК. Арестовывали даже тех, кто читал газету «Набат», выходившую легально и развешанную на стенах лавки.

Большевикам не удалось поймать одного из харьковских анархистов, Григория Цесника, и они бросили в тюрьму его жену, совершенно далекую от политики. Узница объявила голодовку, требуя немедленного освобождения. Тогда большевики заявили, что если Цесник хочет увидеть свою жену на свободе, он должен всего лишь явиться в ЧК. Цесник, тяжело больной, так и поступил — и был арестован.

Мы говорили, что штаб и командующий махновской армией в Крыму, Семен Каретников, были предательски арестованы и сразу же казнены.

Марченко, командующему конницей, окруженной многочисленными отрядами 4-й Красной Армии, все же удалось с боем прорваться через Перекопские укрепления. Днем и ночью, форсированным маршем его люди — точнее то, что от них осталось — добирались до Махно (которому, как мы вскоре увидим, вновь удалось ускользнуть от большевиков), находившемуся в маленькой деревне Керменчик.

До повстанцев уже донесся слух о том, что махновцам удалось успешно выбраться из Крыма, и они с радостью ожидали возвращения товарищей.

Наконец 7 декабря галопом прискакал верховой, сообщивший, что отряд Марченко прибудет через несколько часов.

Находившиеся в Керменчике махновцы в радостном волнении отправились встречать героев.

Каково было их разочарование, когда они, наконец, увидели вдалеке медленно приближающуюся небольшую группу всадников.

Вместо мощного полуторатысячного кавалерийского отряда из пекла возвращалась лишь горстка в 250 человек. Во главе ехали Марченко и Тарановский (другой выдающийся командир Повстанческой армии).

— Имею честь доложить вам о возвращении Крымской армии, — с горькой иронией произнес Марченко.

У нескольких повстанцев достало сил улыбнуться. Но Махно был мрачен. Вид жалких остатков его превосходной кавалерии причинил ему жестокую боль. Он молчал, пытаясь сдерживать чувства.

— Да, братцы, — добавил Марченко, — только теперь мы узнали, кто такие коммунисты.

Немедленно было созвано общее собрание. На нем рассказали о событиях в Крыму. Так стало известно, что командующий армией Каретников, получивший приказ большевистского штаба отправиться в Гуляй-Поле якобы для участия в военном совете, был предательски арестован по дороге; что Гавриленко, начальник штаба Крымской армии, а также все члены этого штаба и многие командиры, были обмануты тем же манером. Всех их немедленно расстреляли. Комиссию по культуре и пропаганде, заседавшую в Симферополе, арестовали безо всякой военной хитрости.

Так победоносная Крымская Повстанческая армия были предана и уничтожена большевиками, своими вчерашними союзниками.

После ареста из Харькова меня перевели в московскую тюрьму ВЧК. Однажды меня вызвал к себе Самсонов, начальник «Секретно-политического отдела ВЧК».

Вместо допроса он устроил со мной идейную дискуссию. Так нам удалось поговорить о событиях на Украине.

Я без обиняков высказал ему все, что думал о поведении большевиков по отношению к махновскому движению, назвал их действия подлыми.

— Ах! — живо отреагировал он. — Это вы называете «подлостью»? Вы неисправимо наивны. Это лишь говорит о том, что мы, большевики, многому научились с начала революции и стали настоящими умелыми государственными деятелями. Мы уже не дадим себя провести; *пока нам был нужен Махно, мы сумели извлечь выгоду из союза с ним, а когда перестали нуждаться в его услугах — или, точнее, когда он начал мешать нам, — смогли окончательно избавиться от него.*

Хотя Самсонов не отдавал себе в этом отчета, своими последними словами — которые мы подчеркнули — он полностью признал истинные причины поведения большевиков и всех их махинаций. Эти слова следует хорошо запомнить всем, кто продолжает упорствовать в своем непонимании подлинной природы государственного коммунизма.

Последний смертельный бой Власти и Революции (ноябрь 1920-го — август 1921 года).

Нам остается кратко рассказать о последних и самых драматичных событиях смертельной борьбы между Властью и Революцией.

Читатель уже мог увидеть, что, несмотря на тщательность подготовки и внезапность нападения, Махно и на этот раз ускользнул от большевиков.

26 ноября, в тот момент, когда Гуляй-Поле было окружено красноармейскими соединениями, в нем находился лишь небольшой особый отряд из 250 всадников во главе с самим Махно.

С этой горсткой людей, ничтожной по численности, но в отчаянии готовой на все, Махно — хотя он едва оправился от болезни и жестоко страдал от ран (**последней из которых была перебитая лодыжка**) — бросился в атаку. Ему удалось опрокинуть

кавалерийский полк Красной Армии, шедший к Гуляй-Полю со стороны Успеновки. Так он вырвался из окружения[163].

Тотчас он занялся организацией отрядов повстанцев, прибывавших к нему отовсюду, а также частей красноармейцев, оставивших большевиков и присоединившихся к нему.

Ему удалось сформировать отряд в тысячу всадников и полторы тысячи пехотинцев, с которым он перешел в контратаку.

Неделю спустя он вновь был хозяином Гуляй-Поля, заставив отступить 42-ю дивизию Красной Армии и захватив около 6 тысяч пленных. (Из них примерно две тысячи заявили о своем желании вступить в Повстанческую армию; остальные были освобождены в тот же день после участия в большом народном митинге.)[164]

Три дня спустя Махно нанес новый серьезный удар большевикам под **Андреевкой. В течение суток он вел бой с двумя дивизиями Красной Армии и одержал победу, захватив еще от 8 до 10 тысяч пленных. Они так же были немедленно освобождены; все желающие записались добровольцами в Повстанческую армию** [165].

Затем Махно последовательно нанес еще три удара Красной Армии: под Комаром, Царевоконстантиновкой и в окрестностях Бердянска. Большевистская пехота сражалась неохотно и пользовалась любой возможностью сдаться в плен.

«Пленных красноармейцев тотчас же отпускали, советуя им ехать на родину и не служить в руках власти орудием угнетения народа. Но ввиду того, что махновцы тут же двигались дальше, все отпущенные пленные через 5–6 дней вновь оказывались в своих частях. Советвласть организовывала особые комиссии, которые специально занимались сбором отпущенных махновцами красноармейцев. Таким образом, для махновцев в этой борьбе создавался заколдованный круг, из которого они не могли найти разумного выхода. Положение советвласти было проще: согласно постановлению «Особой комиссии по борьбе с махновщиной», всех захваченных махновцев расстреливали на месте».[166]

Некоторое время махновцам казалось, что им сопутствует победа, что достаточно разбить две или три большевистские дивизии, и значительная часть Красной Армии присоединится к ним, а остальные ее отряды отступят на север.

Но вскоре крестьяне из различных уездов сообщили, что большевики не довольствуются одним преследованием Повстанческой армии и размещают во всех захваченных селах целые полки, в основном кавалерийские. По сообщениям других крестьян, большевики концентрируют в различных местах значительные вооруженные силы.

Действительно, вскоре несколько пехотных и кавалерийских дивизий окружили Махно в Федоровке, к югу от Гуляй-Поля. Бой продолжался без передышки с двух часов ночи до четырех дня. Пролагая себе путь по территории, занятой противником, Махно направился на северо-восток. Но три дня спустя он вновь вынужден был принять бой возле деревни Константин, ему противостояла многочисленная конница и мощная артиллерийская

батарея, взявшие его в тиски. От нескольких пленных командиров Махно узнал, что ему предстоит иметь дело с четырьмя армейскими корпусами, двумя кавалерийскими и двумя смешанными, и большевистское командование ставит перед собой цель взять его в кольцо с помощью нескольких дивизий, идущих на соединение со своими. Эти сведения полностью совпадали с сообщениями, полученными от окрестных крестьян, а также с наблюдениями и выводами самого Махно.

Становилось ясно, что разгром двух или трех красных соединений не имеет никакого значения перед лицом огромной армии, брошенной против повстанцев, чтобы разбить их любой ценой.

Речь уже не шла о *победенад* большевистскими войсками — необходимо было избежать окончательного разгрома Повстанческой армии.

Армия эта, сократившаяся до менее чем 3 тысяч бойцов, была вынуждена ежедневно вести бои против противника, в несколько раз превосходящего ее численностью и оружием. В подобных условиях катастрофа уже не вызвала сомнений.

Тогда Совет революционных повстанцев решил временно оставить южный район, предоставив Махно полную свободу в выборе направления общего отступления.

«Гению Махно было предъявлено величайшее испытание. Казалось совершенно невозможным выйти из той массы войск, которая со всех сторон вцепилась в группу повстанцев. Три тысячи бойцов-революционеров были окружены войском в 150000 человек. Махно ни на минуту не потерял мужества и вступил в героическое единоборство с этими войсками. Окруженный со всех сторон красными дивизиями, он, как сказочный герой, шел, отбиваясь направо, налево, вперед и назад. Разбив несколько красноармейских групп и взяв в плен свыше 20000 красноармейцев, Махно пошел было на восток, к Юзовке, где, как его предупредили юзовские рабочие, ему был устроен сплошной военный заслон, но вдруг круто повернул на запад и пошел фантастическими, ему одному ведомыми путями. Сторонясь дорог, армия сотни верст двигалась по снежным полям, руководимая каким-то изумительным способом и умением ориентироваться в снежной пустыне. Этот маневр дал возможность армии махновцев увернуться от сотен орудий и пулеметов, смыкавшихся вокруг нее, и в то же время разбить на Херсонщине под с. Петрово две бригады 1-й конной армии, считавших, что местопребывание Махно находится за сто с лишним верст от них.

Борьба растянулась на несколько месяцев с непрерывными, шедшими день и ночь боями.

В Киевской губернии армия махновцев попала в период гололедицы в такую изуродованную скалистую местность, что пришлось бросить всю артиллерию, снабжение и почти все тачанки.[167] И в это же время ко всей колоссальной массе войск, повисших на Махно, неожиданно добавились еще две кавалерийские дивизии червонного казачества, стоявшие на западной границе. Все пути были отрезаны. Местность — могила: скалы и крутые балки, покрытые льдом. Двигаться можно было лишь невыносимо медленно. А со всех сторон невыносимый артиллерийский и пулеметный огонь. Никто не видел выхода и спасения. Но в то же время никто не хотел позорно разбегаться. Все решили умирать вместе, один рядом с

другим.

Невыразимо тяжело было глядеть в это время на горсть повстанцев, окруженных скалами, небом и вражеским огнем, преисполненных вдохновенной решимости биться до последнего и в то же время уже обреченных. Боль, отчаяние и особенная грусть охватывали все существо. Хотелось крикнуть на весь мир, что совершается величайшее преступление, что убивается и гибнет героическое в народе — то, что он рождает только в героические эпохи.

Махно с честью вышел из этого страшного испытания. Он дошел до Галиции, поднялся затем к Киеву, недалеко от него переправился обратно через Днепр, спустился в Полтавщину и Харьковщину, вновь поднялся на север к Курску и, перейдя железную дорогу между Курском и Белгородом, оказался в новой, более легкой обстановке, оставив далеко позади себя многочисленные кавалерийские и пехотные дивизии красных»[168].

Попытка пленить его армию провалилась.

Но неравный поединок между горсткой махновцев и армиями Советского государства был далек от завершения.

Большевистское командование продолжало преследовать свою цель: захватить основное ядро Махновщины и уничтожить его. Со всей Украины стягивались красные дивизии, чтобы обнаружить и блокировать Махно.

Вскоре вокруг героической горстки революционеров вновь сомкнулось железное кольцо, и возобновился смертный бой.

Чтобы рассказать о последнем акте драмы, предоставим слово самому Махно и приведем здесь его письмо — написанное после того, как он покинул Россию, — адресованное Аршинову, которое тот цитирует в своей книге. В нем замечательно описаны последние судороги борьбы:

«Как только ты уехал, дорогой друг, через два дня я занял город Корочу (Курск. губ.), выпустил несколько тысяч экземпляров «Положения о Вольных Советах» и сейчас же взял направление через Вапнярку и Донщину на Екатеринославщину и Таврию. Ежедневно принимал ожесточенные бои — со второй конной армией, специально брошенной против меня большевистским командованием. Конечно, ты нашу конницу знаешь — против нее большевистская, без пехоты и автоброневиков, никогда не устраивала. И я, правда, с большими потерями, но удачно расчищал перед собою путь, не меняя своего маршрута. Наша армия каждым днем доказывала, что она есть подлинно народная революционная армия — по создавшимся внешним условиям она логически должна была бы таять, а она росла и людьми, и богатым военным снаряжением.

На пути этого направления в одном из серьезных боев наш особый полк (кавалерийский) потерял убитыми более 30-ти человек, наполовину из них командиры. В числе последних наш милый старый друг, юноша по возрасту, старик и герой в боях, командир этого полка Гаврюша Троян. Пуля сразила его наповал. С ним же рядом Аполлон и много других славных и верных товарищей умерло.

Не доходя до Гуляй-Поля, мы встретились с большими свежими нашими силами под командой Бровы и Пархоменко. Затем на нашу сторону перешла 1-я бригада 4-ой дивизии конной армии Буденного во главе с самим бригадным Маслаком. Борьба с властью и произволом большевиков разразилась еще ожесточеннее.

В первых числах марта[169] Брова и Маслак были выделены мною из армии, которая находилась при мне, в самостоятельную Донскую группу и отправлены на Дон и Кубань. Выделена была группа Пархоменко и отправлена в район Воронежа (сейчас Пархоменко убит, во главе остался анархист из Чугуева). Выделена была группа сабель в 600 и полк пехоты Иванюка под Харьков.

В это же время наш лучший товарищ и революционер Вдовиченко в одном бою был ранен, вследствие чего его с некоторой частью пришлось отправить в район Новоспасовки для излечения. Там он был выслежен одним большевистским карательным отрядом и при отстреле он и Матросенко[170] застрелились. При этом Матросенко совсем, а у Вдовиченко пуля осталась в голове ниже мозга. И когда коммунисты взяли его и узнали, что он есть Вдовиченко, дали ему скорую помощь и таким образом на время спасли от смерти. Вскоро после этого я имел от него сведения. Он лежал в Александровске в больнице и просил забрать его как-либо оттуда. Его страшно мучили, предлагая отречься от махновщины через подпись какой-то бумаги отречения. Он с презрением все это отверг, несмотря на то, что в это время еле-еле мог говорить, и поэтому был накануне расстрела, но расстреляли его или нет, мне не удалось выяснить.

Сам я за это время сделал рейс через Днепр под Николаев, а затем оттуда обратно через Днепр по-над Перекопом направился в свой район, где должен был встретиться кое с какими своими частями. У Мелитополя коммунистическое командование устроило мне ловушку. Назад на правый берег Днепра ходу уже не было. Пошел лед по Днепру. Поэтому мне самому пришлось сесть на лошадь[171] и руководить маневром боя. От одной части я уклонился от боя, другую своими разведывательными частями заставил сутки стоять развернутым фронтом в ожидании боя и этим временем сделал переход в 60 верст, разбил на рассвете 8-го марта третью часть большевиков, стоявшую у Молочного озера, и через стрелку между Молочным озером и Азовским морем вышел на простор в районе Верхнего Токмака. Здесь я откомандировал Куриленко в район Бердянск-Мариуполь руководить в этом районе делом повстания. Сам отправился через Гуляй-Поле в район Черниговщины, откуда от нескольких уездов у меня была от крестьян делегация, чтобы заглянул в их район.

В пути моя группа, т. е. группа Петренко в 1500 сабель и из двух пехотных полков, находившихся при мне, была остановлена и сжата со всех сторон сильными большевистскими частями. Здесь опять-таки пришлось мне самому руководить контратакой. Контратака была удачна. Мы разбили врага вдребезги, массу взяли в плен людей, оружия, орудий и коней. Но спустя два часа нас снова атаковали свежие и сильные части противника. Каждодневные бои настолько втянули людей в бесстрашие за жизнь, что отваге и героизму не было пределов. Люди с возгласом: «Жить свободно или умереть в борьбе!» — бросались на любую часть и повергали ее в бегство. В одной сверхбезумной по отваге контратаке я был в упор пронизан большевистской пулей в бедро через слепую

кишку навывлет и свалился с седла. Это послужило причиной нашего отступления, так как чья-то неопытность[172] крикнула по фронту: «Батько убит!..».

12 верст меня везли, не перевязывая, на пулеметной тачанке, и я совершенно было сошел кровью. Не становясь на ногу, совершенно не садясь, я без чувств лежал, охраняемый и доглядаемый Левой Зиньковским. Это было 14-го марта. В ночь против 15-го марта возле меня сидели все командиры группы, члены штаба армии во главе с Белашом и просили подписать приказ разослать по сто, по 200 бойцов к Куриленко, к Кожину и другим, которые самостоятельно руководили восстаниями в определенных районах. Приказ этот имел целью отправить меня с особым полком в тихий район до времени, пока я вылечусь и сяду в седло. Приказ я подписал и разрешил Забудько выделить легкую боевую группу и в указанном районе действовать самостоятельно, не теряя со мною связи. А на рассвете 16-го марта части уже были разосланы, кроме особого полка, оставшегося при мне. И в это время на меня наскочила 9-ая кавалерийская дивизия и в течение 13-ти часов преследовала нас 180 верст. В с. Слобода возле Азовского моря мы заменили лошадей и в 5 часов покормили людей и лошадей...

17-го марта на рассвете мы направились в сторону Новоспасовки и, пройдя верст 17, натолкнулись на другие свежие кавалерийские части большевиков, которые шли по следам Куриленко и, утерев след последнего, напали на нас. Прогнав нас, нуждающихся в отдыхе и не способных на сей день к бою, верст 25, совсем начали наседать. Что делать? В седло я сесть не могу, я никак на тачанке не сижу, я лежу и вижу, как сзади в 40–50 саженях идет взаимная неопиcуемая рубка. Люди наши умирают только из-за меня, только из-за того, что не хотят оставить меня. Но в конце концов гибель очевидна и для них, и для меня. Противник численно в 5–6 раз больше, и бойцы его свежие и свежие подсакивают. Смотрю — ко мне на тачанку цепляются льюсисы[173], что были и при тебе возле меня. Их было пять человек под командой Миши из села Черниговки Бердянского уезда. Поцепившись, они прощаются со мной и тут же говорят: «Батько, вы нужны делу нашей крестьянской организации. Это дело дорого нам. Мы сейчас умрем, но смертью своей спасем вас и всех, кто верен вам и вас бережет; не забудьте передать нашим родителям об этом». Кто-то из них меня поцеловал, и больше я никого из них возле себя не видел. Меня в это время Лева Зиньковский на руках переносил из тачанки на крестьянские дроги, которые повстанцы достали (крестьянин куда-то ехал). Я слышал только пулеметный треск и взрывы бомб, то льюсисы преграждали путь большевикам. За это время мы уехали версты 3–4 и перебрались через речонку. А льюсисы там умерли.

После мы заехали на это место, и крестьяне села Сатродубовки Мариупольского уезда показали нам в поле могилку, в которой они, крестьяне, похоронили наших льюсисов. И по сию пору, вспоминая этих простых честных крестьян-борцов, я не могу удержаться от слез. Я все же должен сказать тебе, дорогой мой друг, что это меня как бы вылечило. В тот же день к вечеру я сел в седло и вышел из этого района.

В апреле месяце я связался со всеми своими частями и тем, которые были недалеко от меня, велел сгруппироваться на Полтавщине. К маю месяцу я сгруппировал на Полтавщине Фому Кожина и Куриленко. Это составило более 2000 сабель одной конницы и несколько полков пехоты. Решено было пойти на Харьков и разогнать земных владык из партии коммунистов-

большевиков. Но последние не спали. Они выслали против меня боле 60-ти автоброневиков, несколько дивизий конницы, целую армию пехоты. Бой с этими частями длился несколько недель.

Спустя месяц после этих боев там же, на Полтавщине, в одном бою погиб Щусь. Последнее время он был начальником штаба в группе Забудько и очень хорошо и честно работал.

А еще спустя месяц погиб Куриленко. При переходе нашей армии через линию железной дороги он своей группой прикрывал армию, почему, размещая части, он оставался с дежурным взводом, сам лично наблюдал за разъездами. В одном хуторе его схватила кавалерия Буденного, и он там погиб.

18-го мая 1921 г. конная армия Буденного передвигалась из района Екатеринослава на Дон для подавления крестьянского восстания, руководимого нашими товарищами Бровой и Маслаком — командиром 1-ой бригады дивизии армии Буденного, перешедшего со всей бригадой на нашу сторону.

Наша сводная группа под руководством Петренко-Платонова, при которой находился я и главный штаб, стояла в 20–15 верстах от маршрута, по которому двигалась армия Буденного. Это соблазнило Буденного, ибо он хорошо знал, что я нахожусь всегда при сводной группе. Поэтому он приказал начавточасти № 21, двигавшейся в это время туда же на Дон для подавления восстания трудового крестьянства, сгрузить 16 автоброневиков и оцепить предместье с. Ново-Григорьевки (Стременное). Сам Буденный с частями 19-ой кавалерийской дивизии (бывшей дивизии «внус») через поля и дороги пришел в с. Ново-Григорьевку ранее, чем это предполагал начальник автобронечастей, объезжавший речонки и овраги и расстановивавший у дорог сторожевые автоброневики. Бдительный глаз наших наблюдателей это вовремя заметил, что дало нам возможность приготовиться, и как раз в то время, когда Буденный подходил к нашему расположению, мы бросились ему навстречу.

В одно мгновение гордо несшийся впереди Буденный бросил своих соратников и, гнусный трус, обратился в бегство.

Кошмарная картина боя развернулась тогда перед нами. Красные части, пришедшие на нас, состояли из бывших войск внутренней охраны, с нами на крымском фронте не были, нас не знали и, следовательно, были обмануты, что они идут против «бандитов», что воодушевляло их гордость — от бандитов не отступать.

Наши же друзья повстанцы чувствовали себя правыми и считали долгом во что бы то ни стало разбить их и разоружить.

Бой был, какие редко до того и после бывали. Он завершился полным поражением Буденного, что послужило разложению армии и бегству из нее красноармейцев.

После этого мною был выделен отряд из сибиряков под командой т-ща Глазунова, который был всем хорошо снабжен и отправился в Сибирь.

В первых числах августа 21 года по большевистским газетам мы читали об этом отряде, что он появился в Самарской губернии. Больше о нем не слыхали.

Все лето 21-го года мы не выходили из боев.

Засуха и неурожай в Екатеринославской, Таврической, частью Херсонской и Полтавской губ., а также на Дону, заставили нас передвинуться частью на Кубань и под Царицын и Саратов, а частью на Киевщину и Черниговщину. На последней все время вел бои тов. Кожин. При встрече с нами он передал мне целые кипы протоколов черниговских крестьян, которые гласят полную поддержку нам в борьбе за вольный советский строй.

Я лично с группами Забудько и Петренко сделал рейс до Волги, обогнул весь Дон, встретился со многими нашими отрядами, связал их между собою и азовской группой (бывшая Вдовиченко).

В начале августа 21 года, ввиду серьезных ранений у меня, решено было временно выехать мне с некоторыми командирами за границу, на излечение.

В это время тяжело были ранены наши лучшие командиры — Кожин, Петренко и Забудько...

13-го августа 1921 г. я с сотней кавалеристов взял направление к берегам Днепра и 16-го августа того же года на рассвете при помощи 17-ти крестьянских рыболовческих лодок между Орликом и Кременчугом переплыл Днепр. В тот же день был шесть раз ранен, но не тяжело.

По пути движения и на правом берегу Днепра мы встречали многие наши отряды, которым освещали цель нашего выезда за границу, и от всех слыхали одно: «Уезжайте, вылечите Батько и возвращайтесь снова к нам на помощь...» 19-го августа, в 12-ти верстах от Бобринца мы наткнулись на расположенную по реке Ингулец 7-ю красноармейскую кавалерийскую дивизию. Поворот назад грозил нам гибелью, т. к. один кавалерийский полк заметил нас справа и устремился отрезать нам путь назад. Вследствие чего я попросил Зиньковского посадить меня на лошадь. В мгновение ока, обнажив шашки и с криком «ура» бросились мы в деревню и вскочили в расположение пулеметной команды упомянутой кавдивизии. Захватив 13 пулеметов «Максима» и три — «Люйса», мы двинулись дальше.

В то время, что мы брали пулеметы, вся кавалерийская дивизия выскочила из села Николаевки и ближайших хуторов в поле и, опомнившись, перешла в контратаку. Мы, таким образом, оказались в мешке. Однако не потеряли духа. Сбив с нашего пути 38-ой полк 7-ой кавдивизии, мы затем шли на протяжении 110 верст, отбиваясь от непрерывных атак этой дивизии, и в конце концов ушли от нее, правда, потеряв 17 человек лучших наших товарищей.

22 августа со мной снова лишняя возня — пуля попала мне ниже затылка с правой стороны и навывлет в правую щеку. Я снова лежу в тачанке. Но это же ускоряет наше движение. 26-го августа мы принимаем новый бой с красными, во время которого погибли наши лучшие товарищи и бойцы — Петренко-Платонов и Иванюк. Я делаю изменение маршрута и 28 августа 1921 г. перехожу Днестр. Я — за границей...»[174]

Так в конце 1921 года завершилась великая народная драма Украины, драма, составляющая часть истории *народа* — а не партий, властей и систем угнетения, — о которой, однако (или же по этой самой причине) даже не *подозревают* за пределами России,[175] правда заботливо скрывается всякими патентованными «сверхчеловеками» и их приспешниками. Ибо *историческая истина* сбросила бы всех этих пигмеев с их глиняных пьедесталов, точно так же, как *Подлинная Народная Революция* вскоре навсегда обратит в пыль всех «сверхчеловеков» у власти, кем бы они ни были. Тогда придут те, кто узнает и осмелится, наконец, написать *подлинную историю народов*.

Используя многочисленные армии, не останавливаясь перед самыми жестокими репрессивными мерами, коммунистическое правительство быстро подавило и рассеяло последние отряды махновцев, оставшиеся на Украине.

Разумеется, оно также покончило с сопротивлением последних петлюровских групп на юго-западе страны, с многочисленными отрядами крестьян, стихийно поднявшимися против новых господ или «ушедших в партизаны» из страха беспощадной расправы.

Махно с горсткой верных товарищей бежал за границу. Ему больше не суждено было увидеть свою родину.

Большевики подчинили своей диктатуре всю страну.

Версия #2

██████████ ██████████ создал 5 апреля 2025 21:04:32

██████████ ██████████ обновил 5 апреля 2025 21:54:22